

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).066

Императорский двор Екатерины II как инструмент формирования элиты государства

Д. А. Оксамитная

Оксамитная Дарья Александровна, аспирант кафедры истории России средневековья и нового времени, факультет архивного дела, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, aksamitda@gmail.com

В статье рассматривается роль императорского двора в формировании «кадрового резерва» для занятия высших государственных должностей в период правления Екатерины II. Проведен сравнительный анализ развития карьер придворных кавалеров и выпускников Пажеского корпуса с опорой на специально разработанные просопографические базы данных. Полученные результаты позволяют сформулировать вывод о влиянии фактора пожалования придворным чином на развитие карьеры дворянина и возможность участия в государственном управлении.

Ключевые слова: Екатерина II, придворные, императорский двор, XVIII век, аристократия, дворянство, просопография.

Поступила в редакцию: 13.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Imperial Court of Catherine the Great as an Instrument of State Elite Formation

D. A. Oksamitnaya

Daria A. Oksamitnaya, <https://orcid.org/0000-0002-9469-0959>, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow 125993, Russia, aksamitda@gmail.com

The article is devoted to the role of the imperial court in the «personnel reserve» formation for high governmental and military posts during the reign period of Catherine the Great. Comparative study of courtier's and Page Corps graduates career development was held for this research by the means of two specially created prosopographical databases. The obtained results give us an opportunity to evaluate the impact of a court rank granting on the nobles career development and on receiving an appointment to the important governmental and military posts.

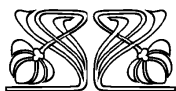
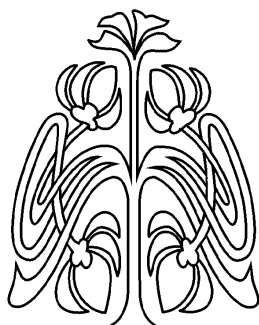
Keywords: Catherine the Great, courtiers, imperial court, XVIII century, aristocracy, nobility, prosopography.

Received: 13.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

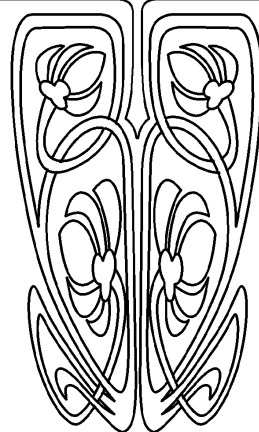
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-284-290>

Элита общества вообще и политическая в частности во многом определяла и продолжает определять лицо той или иной исторической эпохи. Изучение принципов ее формирования в различные периоды истории, механизмов рекрутирования высших государственных чиновников сохраняет свою актуальность, поскольку может дать представление о существующем историческом опыте и исторической традиции. Вопросы формирования правящей элиты на разных этапах становления Российского государства, взаимоотношений элиты и царской власти освещены в работах А. П. Павлова¹. Численность, социальный и национальный состав, тенденции развития элиты рассматриваются в статьях С. В. Черникова². Ее настроения, отношение к службе, образованию и культурному

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

развитию стали предметом исследований Е. Н. Марасиновой³. Восприятие и оценка царской власти в среде российской элиты рассматриваются в работе Т. А. Шебзуховой⁴. Данного предмета так или иначе касаются публикации биографического характера о выдающихся государственных деятелях различных исторических эпох.

В данной статье объектом исследования был выбран императорский двор Екатерины II. Составлявшие его лица не только имели возможность влияния на принятие тех или иных политических решений, но и обозначали тенденции культурной жизни общества, тем самым отвечая критериям двух наиболее распространенных подходов к определению элиты государства⁵. В исследовании предпринята попытка выделения данной группы политической элиты на основе наивысшего достигнутого классного чина и зависимости показателей по этому критерию от пожалования ко двору: всегда ли пожалование ко двору определяло дальнейший карьерный рост и участие в государственном управлении, возможно ли было получить чины высших классов, обрести влияние, не пройдя «придворной школы»? Так же поставлен и другой вопрос: могла ли совокупность придворных представлять для государыни резерв кадров для замещения высших государственных должностей, а сам двор быть местом своеобразной апробации их личных качеств?

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, на наш взгляд, необходимо провести сравнительный анализ карьерного успеха придворных с какой-либо другой репрезентативной выборкой дворян, строивших карьеру в условиях правления императрицы, и оценить, насколько более высокое положение в среднем занимали пожалованные ко двору в чине камер-юнкера и выше лица относительно дворян, ко двору не пожалованных. Для этого использовались две вновь разработанные просопографические базы данных, содержащие сведения о двух группах приближенных ко двору, базирующиеся как на данных печатных изданий, так и на архивных документах. В частности, впервые карьера представителей обеих групп отслежена по Адрес-календарям Российской империи за 1765–1790 гг.⁶

Если попытаться выявить некоторую закономерность и генерализировать доступные исторические данные, следует выбрать критерий оценки жизненного успеха, статуса и потенциального политического влияния. Универсальным показателем для изучаемого исторического времени является классный чин. Высокий класс чина, хотя и не всегда напрямую определявший влияние и степень участия в управлении (к примеру, он мог быть пожалован при почетной отставке), тем не менее, являлся одним из критериев отнесения к элите в XVIII в. Чинопочитание играло важную роль в общественной жизни, определяло статус, престиж, было необходимым элементом всех официальных и торжественных церемоний⁷.

В качестве объекта для сравнительного анализа в данном исследовании предложена группа выпускников Пажеского корпуса и группа придворных кавалеров. Сравнивались две группы, представляющие приближенный к особе императрицы социальный слой, одна из которых обладает факторным признаком (пожалование придворным чином от камер-юнкера и выше), а другая преимущественно нет (всего 4 чел. из всех выпускников Пажеского корпуса). Предполагалось, что результаты должны быть репрезентативными, отвечающими на поставленный вопрос о влиянии фактора пожалования ко двору на развитие успешной карьеры. Бывшие пажи имели определенные преимущества на старте карьеры вследствие близости ко двору, а потому несколько уравнивались по своим «конкурентным преимуществам» с совокупностью придворных кавалеров. В то же время подавляющее большинство из них строили карьеру, не получив должности при дворе после выпуска. Поскольку из всех выпускников пажеского корпуса за период с 1760 по 1790 г. ко двору в качестве камер-юнкера был пожалован небольшой процент (2,6%), данная группа дворян может быть репрезентативным объектом сравнительного анализа на предмет влияния пожалования придворным званием от камер-юнкера и выше на карьерный успех. Из анализируемой совокупности исключены четверо пажей, пожалованных придворным званием камер-юнкера. Кроме того, следует учитывать и фактор пожалования придворным званием в качестве награды за успешную службу. Для того чтобы исключить сравнение начинающих свой карьерный путь пажей с уже состоявшимися в карьерном отношении кавалерами, из всей совокупности придворных для исследования отобраны только те персоналии, которые начали службу при дворе с чина камер-юнкера.

В исследуемые группы вошли персоналии, активное жизненное время которых пришлось на период правления Екатерины II. Временной критерий введен из следующих соображений. Выпущенные из корпуса в период с 1760 по 1790 г. пажи могли успеть себя проявить за время правления Екатерины, продвинуться по карьерной лестнице. Аналогичное предположение возможно по отношению к пожалованным ко двору. Верхней границей выбран 1790 г., поскольку после данной «отметки» вновь пожалованные придворные чаще были определяемы к «молодым» дворам, карьера их развивалась уже при преемниках Екатерины – так же, как и карьера пажей, выпущенных из корпуса в последние годы царствования императрицы. Учет результатов по высшему достигнутому чину обозначенных групп после указанного рубежа повлиял бы на итог исследования, изменив процентное соотношение чинов различных классов, что не вполне отражало бы динамику развития карьер именно в царствование Екатерины II.

*Группа выпускников пажеского корпуса
как объект для сравнительного анализа:
предпосылки для карьерного роста*

Пажеский корпус был основан 25 октября 1759 г. Именно в этот день обнародована инструкция, данная ее императорским величеством из придворной конторы гофмейстеру пажей Федору Генриху Шуди⁸. Пажи служили при дворе и до учреждения корпуса. Эта должность, появившись с оформлением императорского двора при Петре I, со временем стала необходимой для полноценного существования указанного института и придания ему блеска. Пажи участвовали в различных церемониях, сопутствующих жизни монарха: шествовали на коронациях и похоронах императора, сопровождали иностранных послов, присутствовали на парадных приемах, разослали гостям билеты и карты, ежедневно прислуживали за царским столом, выполняли иные поручения, связанные с разъездами по столице и окрестностям⁹.

В первой половине XVIII в. в пажи жаловались преимущественно дети придворных чинов и офицеров, но возможно было и пожалование лиц недворянского сословия. С указом Екатерины II от 15 ноября 1762 г. в эту категорию придворных служителей стали определять только дворян «достойных по рассмотрению»¹⁰. Если проследить происхождение по пожалованным с 1760 по 1790 г., то можно отметить, что тенденция жаловать в пажи детей офицеров и придворных чинов сохраняется.

Социальный состав воспитанников Пажеского корпуса неоднороден и значительно отличается от группы поступивших ко двору в званиях камерюнкера и камергера в тот же временной промежуток. Среди определенных пажами присутствуют как дети отставных офицеров лейб-гвардии (С. П. Порохов, П. А. Михельсон, Д. С. Кропотов), так и дети родителей более высокого воинского ранга (Г. Г. и М. Г. Спиридовы – дети адмирала Г. А. Спиридова), а также потомки сподвижников Петра I, представителей «новой аристократии» (С. А. Меншиков, М. П. Девиер, А. Р. Козенс). Встречаются и случаи явного протектирования (А. П. Кочубей, племянник А. А. Безбородко). Тем не менее, несмотря на то, что среди придворных в основном представлена родовая аристократия, включающая родственников правящей династии и тех, чьи предки состояли в думных чинах в XVI–XVII вв., факторы попадания ко двору монарха (хоть и в различном качестве) во многом совпадают. В частности, при формировании пажеского состава также проявлялись характерные для того времени патрон-клиентские отношения.

До учреждения корпуса дисциплина и образование придворных пажей оставляли желать лучшего. Кроме того, сам вопрос образования данной категории придворных служителей был поставлен только с началом царствования Елизаветы Петровны. Так продолжалось до пожалования гофмаршалом двора Карла Ефимовича Сиверса, который, решив

изменить существующее положение, пригласил в качестве гофмейстера над пажами француза Федора Генриха Шуди (или Чуди). Барон Шуди составил мемориал из 12 пунктов, отражавший более прогрессивное представление о воспитании молодых людей, базирующееся не на грубости, а на установлении доверия между воспитателем и подопечными. В следующие 20 лет при обучении пажей официально руководствовались программой академика Федора Ивановича Миллера¹¹. По мысли ученого, пажеский корпус должен стать школой подготовки дворян для исполнения высших государственных должностей, как гражданских, так и военных. Воплощению поставленной задачи во многом могла способствовать близость юных учеников ко двору; они были на виду у императрицы и, как можно предположить, должны были составить своего рода кадровый резерв. В некоторой степени данное утверждение подтверждается личным интересом Екатерины к успехам учеников. К примеру, в 1766 г. она отобрала способных пажей в возрасте 15–18 лет: Алексея Кутузова, Петра Челищева, Алексея Рубановского, Александра Римского-Корсакова, Александра Радищева и Сергея Янова для учебы в Лейпциге с целью совершенствования в науках¹². В процессе подготовки школьной реформы Екатерина поручила П. В. Завадовскому переработать и образовательную программу Пажеского корпуса. План обучения был высочайше одобрен 26 февраля и введен 5 апреля 1785 г.¹³ Императрица повелела предоставлять ей списки успевающих в каждой науке.

Обучение молодые пажи совмещали с обязательной службой при дворе Екатерины II. Определенных сроков службы на тот период времени установлено не было. Некоторые служили от пожалования в пажи до производства в офицеры 5 лет (Олсуфьев), другие много больше (например, 17 лет, как П. Г. Будаков)¹⁴. Согласно данным Г. А. Милорадовича средний срок службы в качестве пажа можно определить в 6 лет, а камер-пажа – в 4 года. Более высокого звания камер-пажа достигали не все. Возмозжно, здесь сказывались личные качества воспитанников корпуса или личное отношение монарха. В некоторых случаях пажей для своих поездок выбирала сама императрица. Например, во время поездки Екатерины в Могилев в 1780 г. с ней отправились 11 молодых людей. Личный контакт с императрицей давал возможность получить повышение или право присутствовать на тех или иных важных для двора мероприятиях.

Несмотря на такую тесную связь детства и отрочества воспитанников корпуса с жизнью двора, оставались при императрице в качестве кавалеров лишь единицы. По окончании службы в звании пажей молодые люди производились, как правило, в армейские чины от прапорщика до секунд- и премьер-майора, камер-пажи, как правило, выходили поручиками гвардии, реже – капитанами армии, а пажи – армейскими поручиками¹⁵. В ходе данного исследования группы пажей, закончивших корпус в 1760–1790 гг. выявлено, что в большинстве

случаев выпускники производились в поручики армии (46 %), поручиками гвардии стали около 29 %, капитанами армии выпущены около 10 %. Трое бывших пажей после обучения в Лейпциге назначены в Сенат протоколистами: А. Н. Радищев и О. П. Козодавлев в чине капитана, Л. М. Кутузов – титулярного советника. Случались и исключения из общей практики. Так, Вильгельм Петерсон произведен сразу в премьер-майоры армии, Василий Неелов при вступлении на престол Петра III был пожалован из пажей в полковники, а Николай Крашенинников-Журавлев – в подполковники армии.

Как уже отмечалось, довольно редко (всего 4 чел. из 155 выпущенных из пажеского корпуса с 1760 по 1790 г.)¹⁶ пажи оставались при дворе. Во всех случаях можно проследить покровительство влиятельных родственников или патронов. М. Г. Спиридов – сын адмирала Г. А. Спиридова, А. П. Кочубею покровительствовал влиятельный дядя А. А. Безбородко, он же способствовал, по некоторым данным¹⁷, получению Ф. В. Ростопчиным звания камер-юнкера. Ф. П. Балк-Полев являлся внуком военного и государственного деятеля Ф. Н. Балка и статс-дамы двора Модесты Монс, а также сыном камергера Павла Федоровича Балка-Полева и племянником камергера Петра Федоровича Балка.

Алгоритм исследования и сравнительный анализ полученных результатов

Для данного исследования были разработаны две просопографические базы: по придворным Екатерины II и выпускникам Пажеского корпуса за период 1760–1790 гг. Анализ проводился по показателю карьерного успеха, отраженного наивысшим достигнутым персоной чином. Сведения о придворных были взяты из списка, составленного Н. Е. Волковым¹⁸. Каждый из указанных в списке был проверен по адрес-календарям Российской империи за 1765–1790 гг.¹⁹ Третьим этапом стала проверка полученных данных по архивному списку двора (его первой, второй и третьей «половинам») за 1794 г.²⁰. Эта информация дополнялась сведениями из сохранившихся придворных календарей 1763–1767 гг.,²¹ придворных календарей или месяцесловов 1768–1772 гг.,²² других придворных календарей 1789 и 1790 гг.,²³ списка военным генералам со времени императора

Петра I до императрицы Екатерины II²⁴, списка двора от 1761 г.²⁵, содержащего упоминания и о более поздних назначениях, а также из прочих бумаг по придворному ведомству, в том числе именных указов²⁶.

Полученная база придворных насчитывает 144 чел. При исключении всех пожалованных ко двору с чинами выше камер-юнкера, а также пожалованных камер-юнкерами с 1760 по лето 1762 г., исследуемая совокупность сокращается до 112 чел. При сравнении данных источников возникали спорные моменты относительно последнего в карьере чина. К примеру, В. Г. Орлов был уволен от двора в 1774 г. и в списке придворных чинов указан лишь как камергер. В адрес-календарях он упомянут позднее года увольнения от двора с чином генерал-поручика. Поскольку Придворная контора, составившая список придворных чинов, могла не фиксировать карьерные вехи бывших кавалеров после их увольнения, за конечный результат в этом случае принимаются данные календаря. Так С. С. Зиновьев значится по календарям посланником при испанском дворе (1773–1794 гг.) в чине тайного советника с 1784 г., а в списке придворных за 1794 г. упомянут лишь с чином камергера. Аналогичные данные по другим посланникам отражают практику пожалования полномочных министров при иностранных дворах именно указанным чином. В этих и подобных случаях сведения адрес-календарей приняты за конечный результат.

Данные по всем предполагаемым придворным, упомянутым хотя бы в одном или двух источниках и начавших карьеру с чина камер-юнкера в заданный исследованием временной промежуток, представлены в табл. 1.

Сведения о карьерном росте и высших чинах, полученных выпускниками Пажеского корпуса, были собраны по адрес-календарям Российской империи за 1765–1790 гг.²⁷, данным электронной картотеки Российского государственного военно-исторического архива²⁸ и списку военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II²⁹ с опорой на список, опубликованный О. Р. Фрейманом³⁰. Получить достаточно достоверные сведения по большому числу исследуемых персоналий было сложнее, чем в отношении придворных кавалеров, поскольку

Таблица 1

Высшие чины, достигнутые придворными, чел.

Процентное соотношение по классам	Гражданские чины	Военные чины	Придворные чины
1 класс (0,9 %)		Генерал-фельдмаршал (1)	
2 класс (8 %)	Действительный тайный советник (8)	Генерал-аншеф (1)	
3 класс (40 %)	Тайный советник (39)	Генерал-кригскомиссар (1) Генерал-поручик (5)	
4 класс (36 %)		Генерал-майор (1)	Камергер (39)
5 класс (15,1 %)			Камер-юнкер (17)

ку в базовом списке Фреймана часто представлены только имена и фамилии, по аналогичной причине затруднен поиск в военно-историческом архиве. Личности семи человек, по которым у Фреймана даны только имя и фамилия, установлены по адрес-календарям предположительно. В список также вошли иностранцы, обладавшие редким сочетанием имени и отчества, и их личности с достаточной достоверностью по адрес-календарям установить удалось. Кроме того, еще пятеро бывших пажей не числятся в списке Фреймана, но упомянуты в материалах Г. А. Милорадовича. Высшие достигнутые ими чины установлены с помощью адрес-календарей и картотеки военно-исторического архива. Общее количество пажей с учетом данных Г. А. Милорадовича составило 157 чел. Из исследования исключен паж Дмитрий Кантемир, точного чина которого установить не удалось. Не вошли в базу данных шестеро выбывших из Пажеского корпуса молодых людей, а также четверо пажей, получивших придворные чины. Таким образом, полученный список включает 146 чел. Для тех, кто не был найден ни в календарях, ни в картотеке военно-исторического архива, высший чин оставлен тот, который упомянут у Фреймана (табл. 2).

Данные, полученные как относительно придворных Екатерины II, так и относительно выпускников Пажеского корпуса, отражены в табл. 3.

Результаты позволяют утверждать, что карьера пожалованных придворным званием 5 класса продолжала развиваться, и кавалеры добивались

более высоких чинов 1–4 класса. Выпускники Пажеского корпуса достигали аналогичных чинов 1–4 класса меньше чем в 5 % случаев и не больше чем в 11 % случаев достигали аналогичных по классу первому придворному званию камер-юнкера чинов.

Роль императорского двора в формировании элиты

Результаты исследования развития карьеры двух совокупностей представителей дворянского сословия и сравнительный анализ полученных данных позволяют ответить положительно на поставленный ранее вопрос: являлся ли придворный чин карьерным трамплином? Даже принимая во внимание неполноту информации источников и, как следствие, возможность неточных статистических результатов, можно заключить, что процентное отношение получивших чины 1–4 классов среди придворных значительно превосходит аналогичный показатель среди выпускников Пажеского корпуса. Поскольку единственным четко установленным критерием, объединяющим кавалеров достигших высоких чинов, являлся сам факт пожалования ко двору (отраженный в адрес-календарях Российской империи, не противоречащий списку Н. Е. Волкова и в большинстве случаев подтвержденный архивными источниками), правомерным представляется вывод, согласно которому именно служба при особе императрицы давала возможность более быстрого карьерного роста.

Таблица 2

Высшие чины, достигнутые выпускниками Пажеского корпуса, чел.

Процентное соотношение по классам	Военные чины	Гражданские чины
3 класс (2%)	Генерал-поручик (2)	Тайный советник (1)
4 класс (2,7%)	Генерал-майор (4)	
5 класс (10,3%)	Бригадир (10)	Статский советник (5)
6 класс (10,3 %)	Полковник (12)	Коллежский советник (3)
7 класс (18,5%)	Капитан гвардии (8) Ротмистр гвардии (4) Подполковник армии (12)	Надворный советник (3)
8 класс (17,1%)	Секунд-майор (12) Майор (4) Премьер-майор (5) Капитан-поручик гвардии (2) Секунд-ротмистр гвардии (1)	Коллежский асессор (1)
9 класс (17,1%)	Капитан (15) Поручик гвардии (7)	Титулярный советник (3)
10 класс (22%)	Поручик (32)	

Таблица 3

Сравнительный анализ процентного распределения по классам высших достигнутых чинов придворными и выпускниками Пажеского корпуса, %

Класс	Придворные кавалеры	Выпускники Пажеского корпуса
1–4 классы	84,9 %	4,7 %
5 класс	15,1 %	10,3%

Но служил ли штат придворных кавалеров при этих результатах своеобразным «кадровым резервом» для занятия высших государственных должностей и получения не только придворных, но и высших статских и военных чинов? Опираясь на данные проведенного исследования, можно предположить, что такое утверждение небезосновательно.

Только придворная служба после пожалования придворным чином от камер-юнкера и выше отмечена примерно в 23,6% случаев, военная и гражданская – в 65,3%. Здесь и далее данные приведены по всей совокупности пожалованных ко двору за три десятилетия правления императрицы (144 чел.). В остальных случаях (11,1%) карьера развития не получила в силу различных причин от опалы до преждевременной смерти дворянина. Следует отметить, что продвижение по статской службе и занятия различных должностей в этой области превалировало по сравнению с военной (около 48,6% против 16,7%). Как отметил А. Б. Каменский, после принятия манифеста о вольности дворянства произошли значительные изменения «в сознании и системе ценностей русских дворян, еще несколько десятилетий назад считавших, что статская служба умаляет их честь и достоинство»³¹. Начинать предпочитали, тем не менее, с военной службы и переходили на статскую в чине не ниже, унтер-офицерского³². Данная тенденция выявлена и в отношении кавалеров. За редким исключением они начинали с военной службы и на различных этапах карьеры переходили на статскую. Высших военных чинов достигли лишь 5,6% всех кавалеров.

Согласно адрес-календарям большинство обладавших придворным чином служили в Сенате, в Коллегии иностранных дел и в лейб-гвардии³³. Некоторые придворные входили в Совет при императрице. Среди других мест службы значатся коллегии, комиссии, относящиеся к управлению войсками, Контора от строений. Как правило, служба в коллегиях совмещена с присутствием в Сенате.

Здесь, разумеется, следует учитывать, что придворное звание могло служить и «стартом» карьеры, и наградой за успешную службу. Под «наградой» в данном случае подразумевается пожалование за успехи на военной или статской службе, после фактической службы в гвардии. Следует отметить, что при подсчете к данной группе отнесены также дворяне, получившие первый придворный чин в возрасте старше 30 лет, если об их службе до этого момента достоверных данных обнаружить не удалось. Такое «поощрение» имело место примерно в 64 % случаев за все время, если учитывать всех пожалованных за участие в возведении Екатерины II на престол. С придворного звания начинали молодые люди преимущественно 16–25 лет, числившиеся с детства лишь на номинальной службе в гвардии. Будущие вельможи данной группы происходили из знатных семейств, их родители уже входили в государственную элиту, большей частью сформированную в начале правления императрицы из

ее сторонников. В первое из исследуемых десятилетий численный перевес на стороне пожалованных придворным званием в качестве награды, во второе десятилетие показатели уравниваются (28 как «старт» и 23 как «награда»). В третьем десятилетии перевес уже на стороне пожалования как старта карьеры (20 против 16). Таким образом, можно говорить об укреплении тенденции попадания ко двору из узкого круга высшего дворянства на протяжении трех десятилетий и, соответственно, о пожаловании придворным званием как стартовым в карьере.

Итак, в сравнении с не пожалованными ко двору выпускниками Пажеского корпуса молодые камер-юнкеры значительно больше преуспели по службе, преимущественно на статской. Бывшие пажи продвигались в основном по военной линии и обеспечивали себе каждый следующий чин, скорее армейскими успехами, чем личной милостью императрицы. Вхождение же в придворный круг по желанию государыни, возможность личного контакта с императрицей, покровительство влиятельных патронов из числа вельмож – все это при умелом лавировании среди придворных группировок позволяло быстрее удостоиться назначения на видные государственные должности с получением соответствующего чина, а значит попасть в элиту государственной власти.

Таким образом, придворные, задающие тенденции развития общества, занимали и высшие государственные должности, входили в совещательный орган при императрице, обладали определенным политическим влиянием, следовательно, соответствовали упомянутым критериям отнесения к элите государства. Кроме того, сравнительный анализ служебного пути кавалеров двора и выпускников Пажеского корпуса показал, что попадание ко двору, несомненно, давало значительный толчок карьере дворян. Пожалование придворным званием формировало определенный круг избранных лиц, близких к особе императрицы, в большинстве случаев занимавших впоследствии высокие государственные посты. Из 144 лиц, получивших придворное звание в исследуемые три десятилетия, 51 дворянин занял впоследствии высшие государственные должности (сенаторы, генерал-губернаторы, президенты коллегий, главы банков, члены Совета, высшие военные чины), что составляет 35,4% от всех пожалованных за исследуемый период. С чина камер-юнкера начинали 37 чел. из них 14 чел. начинали с более высоких придворных чинов в правление Екатерины II.

Примечания

- ¹ См.: Павлов А. П. Самодержавие и аристократия в России в XVI–XVII вв. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы научно-теоретической конференции, 8–10 декабря 2003 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та (СПбГУ), 2004. С. 15–30.
- ² См.: Черников С. В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура // Го-

- сударство и общество в России XV – начала XX века : сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб. : Наука, 2007. С. 366–386.
- 3 См.: *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века : по материалам переписки // Новая русская книга. 2000. № 1. С. 81–83.
- 4 См.: *Шебзухова Т. А.* Царская власть глазами российской интеллектуальной элиты начала XX в. // Каспийский регион : политика, экономика, культура : научный журнал. 2018. № 2 (55). С. 162–169.
- 5 См.: *Соколова Е. Е.* К определению понятия «элита» в контексте исторической психологии // Элита России в прошлом и настоящем : социально-психологические и исторические аспекты : сб. науч. статей. М. : Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2010. С. 115–122.
- 6 См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804]. СПб. : Имп. Академия наук, 1769–1804.
- 7 См.: *Шенелев Л. Е.* Отмененные историей чины, звания, титулы в Российской империи. Л. : Наука, 1977. С. 15.
- 8 См.: *Аурова Н. Н.* Пажеский его императорского величества корпус : от придворного пансиона к элитарному военно-учебному заведению. М. : ИЦ Ин-та российской истории РАН, 2018. С. 55.
- 9 См.: *Хазин О. А.* Пажи, кадеты, юнкера : Исторический очерк (к 200-летию Пажеского Его Императорского Величества корпуса). Пушкино : СП «Мысль», 2002. С. 24.
- 10 См.: *Милорадович Г. А.* Материалы для истории Пажеского е. и. в. Корпуса, 1711–1875. Киев : Б. и., 1876. С. 31.
- 11 См.: *Хазин О. А.* Указ. соч. С. 32.
- 12 См.: *Милорадович Г. А.* Указ. соч. С. 32.
- 13 Там же. С. 26.
- 14 Там же. С. 11.
- 15 Там же. С. 12.
- 16 См.: *Фрейман О. Р.* Пажи за 185 лет : биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Фридрихсгамн : Тип. Акц. о-ва, 1894–1897.
- 17 См.: Русский биографический словарь : Романова-Рясовский. Т. 17. Пг. : Тип. Акц. О-ва «Кадима», 1918. С. 240.
- 18 См.: *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем : в 4 ч. СПб. : Печатня Р. Голике, 1900.
- 19 См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804].
- 20 См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 469. Оп. 14. Д. 25–26.
- 21 См.: Придворный календарь на лето от Рождества Христова 1763. СПб. : Б.и., 1763 ; Придворный календарь на лето от Рождества Христова 1766. СПб. : Б.и., 1766 ; Придворный календарь на лето от Рождества Христова 1767. СПб. : Б.и., 1767.
- 22 См.: Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1768. СПб. : Б.и., 1768 ; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1769. СПб. : Б.и., 1769 ; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1770. СПб. : Б.и., 1770 ; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1772. СПб. : Б.и.
- 23 Придворный календарь. СПб. : Б.и., 1789 ; Придворный календарь. СПб. : Б.и., 1790.
- 24 См.: Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного Министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года. СПб. : Б.и., 1809.
- 25 См.: РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 7.
- 26 Там же. Оп. 1. Д. 126.
- 27 См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804].
- 28 См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7152. Л. 148 об.–149, 283 об.–284, 315 об.–316, 442 об.–443, 871 об.–872, 876 об.–878 ; Д. 7134. Л. 42 об. ; Ф. 490. Оп. 3. Д. 200. Л. 442 об., 657 об. ; Д. 199. Л. 126 об., 248 об. ; Д. 141. Л. 477 об.–478 ; Д. 204. Л. 238 ; Д. 208. Л. 873 об.–874 ; Д. 210. Л. 929 об. ; Д. 211. Л. 88 об. ; Ф. 118. Оп. 1. Д. 156. Л. 38 об. ; Д. 158. Л. 41 об.–42 ; Ф. 11. Оп. 6. Д. 124. Л. 14 об., 99 об., 106 об., 123 об., 154 об. ; Д. 143. Л. 18 об. ; Ф. 11. Оп. 1. Д. 119. Л. 31 ; Ф. 107. Оп. 1. Д. 172. Л. 14 об.–15.
- 29 См.: Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного Министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года.
- 30 См.: *Фрейман О. Р.* Указ. соч.
- 31 Цит. по: *Каменский А. Б.* Российская империя в 18 в. : традиции и модернизация. М., 1999. С. 214.
- 32 См.: *Козлова А. А.* Элита российского дворянства второй половины XVIII в. и ее характеристика // Проблемы социально-политического и культурного развития России : материалы научной конференции молодых ученых «Ключевские чтения» (МПГУ, март 2006 г.) : сб. науч. трудов. М : Изд-во Моск. пед. гос. ун-та (МПГУ), 2006. С. 108–119.
- 33 См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804].

Образец для цитирования:

Оксамитная Д. А. Императорский двор Екатерины II как инструмент формирования элиты государства // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 284–290. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-284-290>

Cite this article as:

Oksamitnaya D. A. The Imperial Court of Catherine the Great as an Instrument of State Elite Formation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 284–290 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-284-290>